

Пойте, о Музы, о славном герое, разграбившем Трою, а после много лет скитавшемся по морям. Он стал свидетелем величайших событий и перенес ужасные лишения, когда, подхваченный ураганом судьбы, тщетно стремился в одно лишь место — домой.

Из века в век пойте о нем, пойте о разбитых сердцах и коварных планах, о пророчествах и чести, о жалких смертных и их глупых делишках, о гордых царях и их падении. И пусть имя его помнят вечно, пусть его слава вознесется выше величайшего храма на вершине самой неприступной горы, и пусть все, кто услышит вашу песнь, заговорят об Одиссее.

И помните, рассказывая его историю: пусть он был потерян, но не одинок. Я всегда была рядом.

Пойте же, поэты, об Афине.

По общему мнению, из всех царств, составляющих благословенные земли Греции, западные острова — наилучшие. А среди них Итака, бесспорно, считается самым убогим.

Она, словно краб, поднимается из морских глубин, блестя крупницами соли на черных боках. Растущие в сердце ее деревья — чахлые, искореженные ветром страдальцы, а единственный ее город изрядно напоминает паучью сеть своими ветвистыми тропками, оплетающими приземистые домишки, которые будто каждую секунду ждут очередной бури. По берегам извилистых ручейков, что здесь зовутся реками, пасутся облезлые козы, щиплющие редкую травку, словно старческая борода торчащую между выщербленными валунами — свидетелями ушедшей эпохи. Из множества заводей и укромных бухточек выталкивают на простор серого, пенящегося моря свои

грубые лодчонки женщины, которые спешат собрать свой утренний улов серебристой верткой рыбешки, плещущейся у здешних берегов. К западу от острова зеленеют намного более плодородные берега Кефалонии, к северу бурлят шумные порты Гирии, на юге раскинулись плодородные роши Закинтоса. «Какая глупость» — скажут те, кто считает себя культурными, что сыны этих богатых земель вынуждены платить дань захолустной крошечной Итаке, на которой цари западных островов сподобились возвести свое жалкое подобие дворца.

Но присмотритесь: вы заметили? Нет? Что ж, тогда я, богиня войны и мудрости, одарю вас крупницей своих знаний, объяснив, что хитрые цари этих земель не могли бы найти лучшего подножия для своего трона, чем похожая на панцирь земля Итаки.

Она, словно крепость, возвышается там, где встречается множество морей, и ни одному мореплавателю не миновать ее берегов, если нужно привести свой корабль в Каллидон или Коринф, в Эгий или Халкиду. Даже Микены и Фивы посылают свои торговые суда через ее порты, не рискуя плыть южными морями, где недовольные воины Спарты и Пилоса могут ограбить их подчистую. Впрочем, не сказать, что цари западных островов всегда были далеки от пиратства — вовсе нет. Монарху необходимо время от времени демонстрировать мощь, имеющуюся в его распоряжении, чтобы, когда они решают *не* развязывать войну, а любезно встретить посланников мира, мир был бы особенно благодарен и готов на уступки в свете их милостивой сдержанности.

А еще Итаку обвиняют в том, что ее жители некультурные, нецивилизованные, неотесанные, манерами недалеко ушедшие от собак, и высшей формой поэзии здесь считается непристойная песенка, в которой пускают газы.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

И на это я скажу: да. Это действительно так и есть, все эти слова — правда, но вы все равно — глупцы. Ведь и то и другое может быть правдой одновременно.

Ведь цари Итаки смогли извлечь пользу из своей грубости и некультурности: глядите, когда варвары с севера приплывают с трюмами, полными янтаря и олова, их не заставляют торчать у входа в гавань, не считают невежественными чужаками, напротив, приглашают в царские палаты, предлагают кубок-другой низкопробного вина — хотя на Итаке все вино ужасающе кислое — и заводят разговор о туманных лесах и заросших сосняком горах, которые гости считают родиной, словно намекая: да, да, разве не все мы тут дети моря, с дубленной ветрами и солью кожей?

Цивилизованные болваны нашего мира сверху вниз глядят на купцов запада, разгуливающих по берегу в грязных туниках и жующих свою рыбу с открытыми ртами. Они называют их деревенщинами и дикарями, даже не понимая, насколько этот ярлык облегчает тем выманивание серебра из жадных пальцев задавак, разодетых в шелка и золото.

Пусть дворец итакийских царей далеко не роскошен и не может похвастаться ни мраморными колоннами, ни набитыми серебряной утварью залами, но разве это кому-то нужно? В этом месте решают важные вопросы и заключают сделки те, кто всегда добавляет к своему имени «досточтимый» на случай, если кто-то вдруг в этом усомнится. Его крепостные стены — это сам остров, ведь любым возможным захватчикам придется провести свои корабли мимо иззубренных утесов, сквозь скрытые ловушки острых скал, прежде чем удастся высадить хоть одного солдата на берег Итаки. И потому я утверждаю: цари западных островов поступили не только хитро, но и практично, решив обосноваться на этой скудной,

истощенной земле, а те, кто их высмеивают, — болваны, на которых я не желаю тратить время.

На самом деле, Итака, казалось бы, может стоять вечно, защищенная от захватчиков морем и скалами, вот только лучшие из ее мужей уплыли с Одиссеем в Трою, и из уплывших ни один не вернулся...

Пройдемте же со мной по каменистым пляжам Итаки туда, где лежит, забывшись сном, мужчина.

Стоит ли мне называть его возлюбленным?

Это слово — и это чувство — несет смерть.

Когда-то очень давно невиннейшая и чистая любовь к моей подруге согревала мне сердце. Я смеялась от счастья вместе с ней, возносила ей хвалу, радовалась ее успехам и грустила над неудачами — а теперь она мертва, убита моей рукой.

Больше никогда. Ни к кому. Ни в каком виде.

Я — щит, я — броня, я — золотой шлем и острое копье. Я — лучшая среди воинов этих земель, за исключением, пожалуй, одного, и я далека от любви.

Что ж, а вот и он — человек, ставший всем — или ничем?... — всем для меня.

Свернулся клубком на песке, прижав колени к груди и прикрыв голову руками, словно пытаюсь спрятаться от яркого солнечного света. Когда поэты сложат о нем песни, в них он станет золотоволосым, широкоплечим силачом, с мощными, как стволы деревьев, ногами. Но еще в этих песнях споют, что моим касанием был он обращен в горбатого старика, хромого и жалкого, а его великая сила скрылась во имя благой цели. Смирение героя — важная деталь, которая войдет в историю. Его величие не должно казаться чем-то недостижимым, невообразимым. Когда поэты будут петь о его страданиях, слушатели должны сопереживать ему. Только так мы сможем прославить его имя в веках.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Само собой, на самом деле Одиссей, сын Лаэрта, царь Итаки, герой Трои, — низкорослый мужчина с примечательно волосатой спиной. Шевелюра на его голове, некогда напоминавшая опавшую листву, за двадцать лет под палящим солнцем и солеными ветрами приобрела грязноватый оттенок и немало седых прядей. А потому мы можем смело утверждать, что цвет этой спутанной копны, побитой стрессом и полинявшей от странствий, далек от золотого.

На мужчине туника, подаренная ему фиакийским царем. Преппирательства по поводу качества наряда вышли невероятно утомительные, поскольку хозяева дома вынуждены были настаивать: «Пожалуйста, нет уж, пожалуйста, гостя следует одевать во все самое лучшее», а Одиссей в свою очередь так же вынужденно отказывался: «Нет, о нет, ведь я всего лишь жалкий попрошайка за вашим столом». В ответ ему заявляли, что да, конечно да, ведь он же великий царь, а тот отнекивался — мол, нет, мне не затмить величие хозяев... И так продолжалось некоторое время, пока наконец они не сошлись на среднем варианте, не слишком роскошном и не слишком унылом, и вздохнули с облегчением, чувствуя, что все теперь на своих местах. (Естественно, слуги подобрали наряд задолго до того, как начались переговоры, и просто незаметно держали наготове. Слишком уж у них много других дел, чтобы тратить время на все эти выкрутасы высокочтимых, воспетых в легендах мужей!)

И вот он спит, что для царя-скитальца можно признать вполне достойным и подходящим делом по возвращении на родную землю; его состояние легко объясняется тяжестью его странствий и разрушительным воздействием времени, которое непременно смягчат теплые ветра и сладкие ароматы ненаглядной Итаки и все в таком роде...

Уязвимости, ранимости тоже предстоит стать значительной частью его истории, если ей суждено существовать в веках. Он сотворил столько недобрых, гадких деяний, что теперь просто необходимо использовать любое оправдание, любую возможность представить его невинной жертвой богинь судьбы Мойр и тому подобных созданий. Вернуть бы пару строф о его встрече с матерью на полях усопших, чтобы нарисовать портрет доблестного мужа, стремящегося к цели, несмотря на страдания раненого сердца... Да, думаю, это подойдет.

Подойдет.

Я не жду, что вы поймете мои стремления. Даже моим сородичам-богам с трудом удастся предвидеть дальше, чем на столетие вперед, и у них всех, за исключением разве что Аполлона, пророчества неточные и до ужаса наивные. Я не провидица, я просто изучаю все вокруг, и мне совершенно ясно, что все рано или поздно обратится в прах, даже урожай на полях Деметры. И потому предвижу: задолго до пробуждения Титанов наступит время, когда имена богов — даже всемогущего Зевса — утратят свою силу, превратив их из громовержцев и повелителей волн в персонажей детских песенок и сказок. Предвижу мир, в котором смертные займут наши места, вознесут своих богов до наших высот — поразительнейшее нахальство, однако логичное, — пусть даже их боги будут далеко не так хороши в управлении погодой.

Я предвижу наше увядание. Предвижу наше падение, пусть мы и будем биться яростно. Больше не станут проливать кровь в нашу честь, приносить нам жертвы, а со временем никто даже не вспомнит больше наших имен. Так и исчезают боги...

И это не пророчество. Это кое-что намного сильнее — неизбежный ход истории.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФА](#)

Я не желаю с этим мириться и потому задействую свои механизмы. Я строю города и школы, храмы и памятники, даю ход идеям, которые продержатся дольше любого разбитого щита, но, даже если все это не сработает, в моем колчане останется еще одна стрела — истории.

Хорошая история может пережить практически все.

Вот для нее-то мне и нужен Одиссей.

Сейчас он ворочается на песке; поэты, естественно, скажут, что я вышла поприветствовать его: отличный момент для появления Афины, признания моей роли, моей поддержки. Впрочем, не очень подходящее слово, лучше назовем это... божественным содействием — светлейшим присутствием, что всегда направляло героя. Появись я слишком рано — и его путешествие показалось бы чересчур легким, а он сам выглядел бы баловнем богов, что меня не устраивало. Но здесь, на его родном берегу, момент выбран самый что ни на есть подходящий, своего рода катарсис: «Одиссей наконец встречает свою богиню-покровительницу, все это время направлявшую его дрожащую руку» — идеальное время для моего появления!

Что ж...

Если поэты справились со своей работой, вряд ли мне есть нужда рассказывать обо всем этом. Если они спели свои песни так, как я рассчитываю, то прямо сейчас слушатели обливаются слезами, а их сердца трепещут в тот момент, когда Одиссей начинает ворочаться, затем просыпается и видит берег, который не представал пред его взглядом около двадцати лет, пытается понять, где он, вскрикивает яростно, решив, что предан, что вероломные матросы, рассыпавшиеся в любезностях, бросили его в очередной неизвестной ему дыре... Затем поэты могут описать, как он постепенно успокаивается, берет себя в руки, начинает оглядываться, втягивает в себя воздух, чувствует, как внутри зарождается робкая

надежда, и тут видит мою божественную фигуру, стоящую перед ним.

И я произнесу: «Разве не знакомо тебе это место, странник?» — тоном одновременно равнодушным (я же все-таки богиня, а он жалкий смертный) и в то же время заботливым, и тут он вскрикнет: «Итака! Итака! Милая Итака!»

Я позволю ему пережить этот момент восторга, чистейшего наслаждения — это еще одна важная часть в структуре всей истории, — прежде чем привлечь его внимание к более практичным вопросам и так и не выполненным обязанностям.

Так споют поэты, и в этот момент я окажусь в самом сердце истории. Я появлюсь, когда это особенно важно, и таким образом, как бы унижительно это ни звучало, я выживу.

Иногда я ненавижу Одиссея за это. Я, которой покоятся молнии, стану просто приложением в истории о смертном. Но в ненависти проку нет, поэтому, проглотив горький комок, я принимаюсь за работу. Когда все мои родственники исчезнут, когда поэты больше не станут воспевать их имена, Афина останется.

Поэты не споют правды об Одиссее. Все их песни на корню куплены и перекуплены, их истории пишутся по указке царей и жестоких воителей, которым они нужны только ради власти, одной лишь власти. Агамемнон велел сочинителям петь о своей несокрушимой мощи, о своем жадном до крови мече. Приам велел поэтам Трои в первую очередь возносить хвалу верности, преданности и семейным узам — и посмотрите, куда их это привело! По мрачным полям усопших бродят они, погубленные не столько мечами, отнявшими их жизни, сколько песнями, что им пелись.

Правда мне не пригодится, неразумно позволить ей стать известной.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

